

жутках между псалмами, а иногда и внутри самих псалмов, разрывая их текст.

Связь иллюстраций с соответствующими им местами текста осуществляют в Киевской псалтири тонкие киноварные линии; они не мешают чтению текста, но в нужных случаях указывают, к каким именно словам относится та или иная иллюстрация.² Необходимость таких указаний диктуется отмеченными выше сложностью и неоднородностью жанровой природы Псалтири, наличием в ней нескольких смысловых слоев. Одно и то же место может восприниматься и в буквальном, точнее — реальном смысле, и в поэтическом — как аллегория, символ или пророчество. В текстах псалмов перемежаются, наслаиваясь друг на друга, эпизоды жизни царя Давида, сцены из некоторых книг Ветхого завета, наконец, самые разнообразные, подчас сложные и противоречивые, описания чувств и переживаний героя Псалтири. К этому всему иллюстратор прибавил изображения огромного количества эпизодов из различных книг Нового завета; они относятся к тем местам Псалтири, которые воспринимаются как предсказания этих событий, или к стихам, которые цитируются в службах соответствующих праздников, или, наконец, помогают раскрытию аллегорического смысла отдельных образов и иносказаний. Кроме всего этого, поля Киевской псалтири испещрены многочисленными изображениями отдельных фигур святых, преимущественно героев и авторов агиографической и патристической литературы.³ Один лишь перечень сюжетов и персонажей иллюстраций Киевской псалтири говорит о чрезвычайном многообразии и многоплановости последних, что вполне соответствует сложной жанровой природе и разнообразию восприятия иллюстрируемого литературного памятника.

В систему поэтических образов Псалтири, отраженных в иллюстрациях, художник вводит читателя уже с первого псалма, начинающегося фразой: «Блажен мужъ иже не иде на свѣт нечтивых» (так! — *Н. Р.*). Киноварная линия от начала этой фразы идет вниз, к довольно крупному изображению (оно вдвое больше находящегося сверху, в центре заставки, Деисуса)

² Вопрос о том, кем были сделаны эти соединительные линии, не имеют в данном случае существенного значения. Если они были сделаны художником, то это показывает его восприятие связей иллюстраций с текстом в процессе рисования, если же кем-то из читателей, то они отражают те же связи, возникающие во время чтения. В обоих случаях киноварные линии имеют одно и то же назначение — подсказать, где это необходимо, как «читать» иллюстрации в связи с текстом. Этой же цели служат кратко, обычно однословные, надписи на многих иллюстрациях. Некоторые надписи сделаны по-гречески, их можно признать за «родимые пятна» — свидетельства восхождения иллюстраций к греческим оригиналам. Однако преувеличивать значение этого факта не следует: греческие надписи на русских изображениях в значительной степени были данью традиции; так, например, по-гречески надписывались до самого последнего времени изображения богоматери.

³ Имеются изображения мучеников Гурья, Самона и Авива (дважды), отшельников Антония, Арсения, Саввы, Симеона столпника (дважды), Григория Богослова, священномученика Елєвферия, привязанного к хвосту коня и волочащегося по земле (л. 51 об.), Василия (Великого?), святых Феклы, Артемия, Алимпия столпника, Агафангела и Клима, Матфея (апостола?), Феодула, Прова, Тарха и Андроника, Иоанна Златоуста, беседующего с Христом, Иоанна Милостивого с двумя нищими, святых Никифора, Ануфрия, Павла Фивейского, Иоанна Кушника, Арефы и Захарии, пророка Захарии и Елизаветы (последняя с ребенком, надписанным «Иоани»). Кроме того, есть неизвестные святые, надписанные без имени («иерарх», «священномученицы», «безмездницы») или вообще не надписанные. Среди изображенных святых, кроме отмеченных двух- и трехфигурных статичных изображений, есть и динамичные, иногда многофигурные композиции — сцены встречи Марии Египетской с Зосимой и сложная, состоящая из трех частей, иллюстрация истории сорока мучеников. Всего на полях Киевской псалтири около 300 отдельных малофигурных изображений и многофигурных композиций.